

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 7

**Санкт-Петербург
2008**

В.М. Строгоцкий

Народное собрание в древнегреческом полисе: ширма, символ или фундамент полисной структуры?

В эпоху Просвещения возникло ясное осознание отличия античной демократии как прямого народоправства от ее европейского понимания как представительной демократии. В это же время Монтескье возродил античную идею о разделении властей на законодательную, судебную и исполнительную¹. В античности функции законодательной власти выполняло народное собрание. Между тем, даже в афинском демократическом полисе не было четкого разделения деятельности между властью совета и властью народного собрания². Поэтому возникают вопросы, можно ли рассматривать народное собрание даже в демократических полисах как фундаментальную основу демократического устройства.

Даже в признанных демократических полисах и прежде всего в Афинах граждане, посещавшие народное собрание и являвшиеся слушателями и потребителями распространявшейся там официальной информации, составляли только часть свободного населения полиса. Имели право участвовать в народном собрании только граждане мужского пола свыше 18 лет. Женщины и метеки, не говоря уже о рабах, были исключены из числа участников народного собрания³. Но даже те, кто имел право приходить на собрание и участвовать в принятии решений, не являлись на него в силу самых

¹ Монтескье М.Л. О духе законов. М., 1999.

² Ср. Arist. Ath. Pol. 43-46 и Polit. VI. 8. К этому см. более подробно Строгоцкий В.М. Секретные обсуждения и принятие решений в классическом греческом полисе и отношении к этому демосу // Материалы Всероссийской научной конференции X чтения пам. проф. Н.П.Соколова. Н.Новгород, 2007. С.32-38.

³ О регистрации граждан, достигших 18-летнего возраста см. Arist. Ath. Pol. 42; об исключении из числа тех, кто имел доступ к участию в народ-

разных причин, в том числе экономических и политических. Учитывая это, можно говорить о том, что в античной демократии не было полного народовластия, оно было ограниченным.

Пникс, перестроенный в середине IV в., мог вместить лишь 6000 человек, что составляло лишь треть всего полноправного гражданского населения. Но, скорее всего, на обычных народных собраниях даже в лучшие времена не насчитывалось и этих 6000 граждан, если была оговорка в источниках о том, что такое количество граждан было обязательным на том собрании, где осуществлялось голосование по поводу остракизма. Плутарх подчеркивает, что если число граждан, подавших черепки, было меньше 6000 человек, то остракизм считался недействительным (Plut. Arist. 7). Таким образом, для большинства населения полиса народное собрание не было единственным и даже главным источником получения информации. Ведь если целые группы жителей полиса были лишены права доступа к народному собранию, то их представители, даже являясь носителями информации, не имели возможности сделать ее официальной, поскольку только полноправные граждане имели право на специальном собрании делать какие-либо чрезвычайные заявления⁴. Таким образом, те, кто в силу разных причин был лишен права участвовать в народном собрании и принимать решения, как правило, и являлись источниками другой, неофициальной информации⁵.

О том, как эта неофициальная информация могла стать официальной, рассказывает оратор Андокид в своей речи «О мистериях», где он сообщает об осквернении мистерий Алкивиадом и его друзьями. (And. I. 11) С этим известием выступил некий афинский гражданин Пифоник, так как подлинным носителем этой информации был слуга одного из осквернителей, не имевший права участвовать в народном собрании. К информации, поступившей благо-

ном собрании см. Demosth. IX. 3. К этому см. Hansen M.H The Athenian Ecclesia. Copenhagen, 1983. P. 1-20; Lewis S. News and Society in the Greek Polis. Chapel Hill, 1996. P. 119.

⁴ Arist. Ath. Pol. 43. 4. Обычно эти заявления направлялись через Совет (т.е. пританов). К этому см. Rhodes P.J. A. Commentary on the Aristotelian Athenian Constitution. Oxf., 1981 ad. 43.4; Lewis S. Ibid.

⁵ О получении и распространении неофициальной информации в греческом полисе см. Строгоцкий В.М. Проблемы получения и распространения неофициальной информации в классическом греческом полисе // Мнемон. СПб., 2002. С. 81-90.

даря посреднической роли гражданина Пифоника, власти отнеслись с одобрением, не смотря на пространные возражения Алкивиада. Упомянутый слуга, по имени Андромах, был приведен в народное собрание, и после того, как было принято специальное постановление о предоставлении ему безопасности, он назвал имена виновников осквернения. Однако, если для властей весьма важным был вопрос о безопасности государства, то Пифоника прежде всего интересовали награды, установленные за донос. (And. I. 27) Споры из-за наград за доносы были разрешены в суде фесмофетов. Первая награда в 10.000 драхм была присуждена Андромаху. Пифоник, по сообщению оратора, не фигурировал среди получивших награду. Этот факт весьма значим, так как он подтверждает некоторые мысли псевдоксенофоновой «Афинской Политии», в которой автор подчеркивает, что «афиняне во всех отношениях отдают предпочтение простым и бедным и вообще демократам, перед благородными» (I. 4). Правда, в другом месте автор допускает глубочайшее преувеличение, искажающее реальную действительность, утверждая, что афиняне предоставили рабам и метекам такую же свободу слова, как и гражданам (I. 12).

Однако известие об осквернении мистерий являлось чрезвычайным, да и связано оно было с политической борьбой в Афинах накануне Сицилийской экспедиции. Гораздо важнее была информация повседневного характера, в которой государство особенно нуждалось - это прежде всего известия о снабжении Афин продовольствием и в частности о доставке хлеба, его цене, о возможных нарушениях в этом важнейшем для города деле, в связи с неурожаем, кораблекрушениями, транспортировкой хлеба куда-либо в другие города, а не в Афины.

Этой информацией владели, прежде всего, купцы, среди которых значительное число составляли метеки. Они не имели права выступать с сообщениями в народном собрании. Поэтому в полисе всегда имело место большое различие между миром граждан и жителями портовой части города. На это указывает Лисий, называя тот тип информации, носителями которой были купцы и чаще всего метеки, скорее портовыми слухами, чем сообщениями, поступавшими для вынесения и обсуждения их на народном собрании (Lys. 22. 14). Вывод можно сделать лишь единственный, что народное собрание далеко не всегда могло контролировать сбор информации. Это могло быть одной из причин того, что к началу IV века, как сообщают источники, число посещающих народное со-

брание стало резко сокращаться. Поскольку собрание не было единственным и главным центром аккумуляции всей необходимой информации, крестьяне и ремесленники, составлявшие большинство полноправного гражданского населения и занятые производительным трудом, не желали тратить полдня или весь день, посещая и участвуя в таком собрании. Так, Аристотель (Ath. Pol. 41. 3.) отмечал, что, когда граждане перестали посещать собрания, пританы вынуждены были придумывать всякие ухищрения, чтобы собрать необходимое число граждан, достаточное для того, чтобы голосование было действительным. Следствием этого и оказалось установление в начале IV века денежной выплаты гражданам за посещение народного собрания, доведенной до трех оболов, что, по-видимому, приравнивалось к сумме дохода, который могли получить крестьянин или ремесленник за полный рабочий день⁶.

Однако это привело к отрицательным последствиям в ораторском искусстве и в частности в политическом красноречии. Причем процесс этот стал обнаруживаться еще в конце V века, на что обратил свое внимание Фукидид, приводя речь демагога Клеона во время восстания митиленян. Клеон, имея в виду тех, кто выступал в народном собрании и принимал решения, подчеркивал, что в этом случае «необразованность при наличии благонамеренности полезнее умственности, связанной с вольномыслием». «Поэтому», по мнению Клеона, «более простые и не мудрствующие люди, как правило, являются гораздо лучшими гражданами, чем люди более образованные». (Thuc. III. 37. 3) Если в V веке до н.э. этот процесс только начинался, то в IV веке, когда доступ в народное собрание был широко открыт для бедных граждан, не имевших достаточного образования, возникали частые нападки на ораторов, которые в силу своей бедности и необразованности, демонстрировали недостаток или отсутствие красноречия.

О подобного рода нападках можно судить по речам Демосфена. (XVIII. 256-267; XIX. 237 ср. XXII. 30). Выступая с обвинениями против Эсхина, оратор, хотя и подчеркивает, что не собирается обвинять или осуждать кого-либо только из-за его бедности, но вместе с тем он считает, что ораторы, допускающие в своих речах клевету и сикофанство, не обладают достаточным уровнем ораторского искусства, потому что в силу своей бедности не могли посещать хорошие школы и приобретать необходимые зна-

⁶ К этому см. Todd S. Lady Chatterley Lover and the Attic. Orators: the Social Composition of the Athenian Jury // YHS. Vol. 110. 1990. P. 146-173.

ния. Не имея возможности участвовать в общественных делах, важных для государства, они не получали и опыта выступления перед гражданами, необходимого оратору.

Но для того, чтобы более или менее определенно сказать какова была роль народного собрания в греческом полисе, важно сравнить, как оно функционировало в демократических и недемократических полисах. Роль народного собрания в демократических полисах хорошо представлена на примере Афин. Полисы, входившие в состав Афинской морской державы, будучи подвластными Афинам, имели демократическое устройство подобное афинскому. Но даже в демократических полисах враждебных Афинам в функционировании народного собрания было немало общего с тем, как действовало народное собрание в афинском полисе. Это подтверждается сообщением Фукидида о дискуссии между Афинагором и Гермократом (Thuc. VI. 32-44)⁷.

Но если в демократических полисах функции народного собрания были весьма сходны, то этого нельзя сказать об олигархических полисах. Здесь народное собрание либо не играло решающей роли, либо она была крайне незначительной. Но в этом случае становилась вполне очевидной символическая роль народного собрания, так как оно было лишено властных полномочий. Но вместе с тем оно было центром прямой передачи информации. Для иллюстрации обратимся к олигархической Спарте и Македонии, где существовала ограниченная царская власть. В Спарте, новости, о которых узнавали граждане, строго контролировались государством. Здесь, как и в ряде других олигархических полисов, народное собрание было гораздо меньшим по численности и состояло из небольшой привилегированной элитарной группы. Поэтому в олигархических полисах народное собрание было удобным институтом для манипуляции им и сокрытия поступавшей информации. В отличие от собрания в демократических полисах его созыв не был фиксированным, и оно созывалось властями тогда, когда они считали это необходимым. Вследствие этого, новости, поступавшие к эфорам или геронтам, даже если они имели серьезный характер, например, раскрытие заговора Кинадона, не выносились на обсуждение народного собрания. Ксенофонт говорит, что эфоры в этом

⁷ К этому смотри нашу статью: *Природа дискуссий и обсуждений в народном собрании классического греческого полиса // Мнемон. СПб., 2007. С. 227-236.*

случае даже не консультировались с малой Апеллой (герусией) и действовали по своей инициативе (Xen. Hell. III. 3. 8).

Но даже в том случае, когда какие-либо решения принимались в народном собрании, то, согласно Аристотелю, от спартанских граждан требовалось только голосовать по тем предложениям, которые вносила геруссия (Aristot. Polit. VIII. 4). Отдельно Аристотель рассматривает проблему отношения царей и геруссии к народному собранию. В этом случае спартанцы руководствовались требованиями, утвержденными т.н. большой ретрою Ликурга. Поэтому Аристотель и говорит, что в случае полного согласия, цари и геронты могли и не выносить дела на решение народного собрания. Если же согласия не было между ними, то в этом случае решающий голос принадлежал народу. И Аристотель подчеркивает, что в этом случае каждый желающий участник народного собрания мог выступить против вносимых предложений (Arist. Polit. VIII. 3)⁸. Таким образом, только в этом случае предусматривались дискуссии и обсуждения в спартанской Апелле. Гораздо больше примеров в источниках, свидетельствующих о том, что эфоры и геруссия могли принимать решения, не прибегая к созыву народного собрания, но даже если какие-либо предложения вносились геронтами, то собрание обязано было поддержать эти предложения без обсуждения.

Наиболее важными проблемами, стоящими перед полисами, было объявление войны и заключение мира. В этом случае могло иметь место расхождение во мнениях внутри власти, и вопрос выносился на обсуждение народного собрания. Подтверждение этому дает Фукидид, описывая подготовку и развязывание Пелопоннесской войны. Безусловно, принятие решения по этим вопросам должно отражать единодушие гражданского коллектива или, по крайней мере, его большинства. Дискуссия развернулась между царем Архидамом и эфором Сфенелаидом. Первый призывал не спешить с объявлением войны Афинам, второй был убежден в необходимости скорейшего принятия решения о начале войны. Но поскольку спор возник между царем и эфором, поэтому спартанцы прибегли к традиционному способу голосования с помощью крика. Однако Сфенелаид, стремясь повлиять на граждан и добиться положительного решения, потребовал открытого голосования, правда не с помощью поднятия рук или камешков, но указывая место, куда должны пе-

⁸ К этому см. Andrewes A. The Government of classical Sparta // Ancient Society and Institutions. Oxf., 1967. P.1-20; Kelly D.H. Policy-making in the Spartan Assembly // Antichthon. Vol. 15. 1981. P. 47-61.

рейти те граждане, которые признавали афинян виновными в нарушении мирного договора. Большинство спартанцев приняло точку зрения Сфенелаида (Thuc. I. 80-87). Таким образом, в Спарте цари и эфоры манипулировали народным собранием, используя его в своих интересах и рассматривая его как арену борьбы за свое влияние. Царь Агис в 243 г., как сообщает Плутарх (Plut. Agis 9-11), не мог получить согласия геруссии на проведение своих радикальных мер, т.е. аннулирование долгов и перераспределение земли, поэтому его союзник эфор Лисандр, созвав народное собрание, убеждал граждан поддержать реформы Агиса. Хотя сюжет, рассказанный Плутархом, отражает время спартанского кризиса, тем не менее, он вместе с другими источниками позволяет утверждать, что народное собрание не играло самостоятельной роли.

В подобном же положении находилось народное собрание и в Македонии⁹. Главное отличие его от спартанской апеллы заключалось в том, что в Македонии оно представляло собой собрание воинов, а не граждан. Поэтому здесь чаще всего его созывал царь, если считал необходимым сообщить народу какую-либо информацию. Таким образом, сведения поступали непосредственно царю, и он общался с народом то, что считал необходимым. Люди их принимали без какой-либо дискуссии. Объявление войны и заключение мира в Македонии считались важными целями, ради которых македонцы собирались по зову царя. Поэтому можно сказать, что в Македонии народные собрания не имели решающего значения. Это подтверждается тем фактом, что хотя некоторые соглашения были приняты от имени македонян, афинские послы, прибывшие для ведения переговоров с Филиппом II, имели дело непосредственно с царем и в его царском дворе (IG I³, 89; Tod 111 ср. Aesch. II. 22-35; 38-39; 108-120). Диодор сообщает, что как Филипп, так и Александр Великий использовали собрания македонян как средство укрепления своего влияния и господства (Diod. XVI 3.1; XVII. 2; ср. Justin XI. 1.8).

Главной проблемой дискуссии о македонском народном собрании является выяснение его конституционной роли, в частности могло ли македонское собрание выбирать царя и выносить вердикты по судебным решениям. Можно согласиться с выводами совре-

⁹ О македонском народном собрании см. Errington R.M. *The Nature of the Makedonian State under the Monarchy* // Chiron. Vol. 8. 1978. P.77-133; Anson E.M. *Macedonia's Alleged Constitutionalism* // CJ. Vol. 80. 1985. P.303-316; Harmeond N.G.L. *The Macedonian State: the origins, institutions and History*. Oxf., 1989. P.58-65.

менных исследователей, согласно которым македонское собрание не было наделено правами, принимать властные решения, оно лишь одобряло собственный выбор царя, включая даже его монарший произвол. Так собрание македонян поддержало расправу над Филотом, не выразило никакого возражения против убийства Пармениона, осуществленного по приказу царя без всякого суда.

Итак, на основании всего рассмотренного материала можно сделать следующие выводы. В демократических и олигархических полисах со времени их основания народное собрание являлось институтом, отражающим сущность полисной структуры как города и гражданской общины, где главной основой было стремление граждан к самоуправлению, правда, в демократических полисах собрание не было единственным и главным центром получения и распространения информации.

Спарта же среди олигархических полисов отличалась своей изолированностью, а так же тем, что она скорее являлась гражданской общиной, чем городом, но и здесь самоуправление было основополагающей чертой полиса.

Вместе с тем в демократических полисах народное собрание, состоящее из полноправных граждан мужского пола, регулярно созываемое, безусловно, являлось законодательным органом, наделенным значительными властными полномочиями. В олигархических же полисах роль народного собрания была ограничена как в силу того, что оно созывалось нерегулярно, и его полномочия могли подменяться другими олигархическими институтами, так и по той причине, что оно ограничивалось и по своему составу. Что же касается информации, поступавшей в олигархические полисы и в частности в Спарту, то она, попадая в распоряжение властей (царей, эфоров или геронтов), вносилась в народное собрание по их усмотрению в контролируемой и дозируемой форме.

В государствах, в которых главным принципом построения был этнотерриториальный, а Македонию можно отнести к этому ряду, хотя она и была в значительной степени эллинизированной, народное собрание было инструментом в руках царя, играло некую символическую роль и служило чаще всего ширмой, скрывавшей монарший произвол.

